

ская литература тесно связана генетически (*старый злодей, лют разбойник, трехглавые звери* (сыроядцы)).

Частотность и регулярность использования оценочных средств неодинакова. Одни из них широко употребительны и могут считаться традиционными для летописей XIV—XV вв. Как правило, в их содержании на первом плане церковная точка зрения и они заимствованы из христианской литературы. Это своего рода норма в оценке завоевателя. Другие — единичны, отобраны автором из современных ему литературных произведений и устного народного творчества, неофициальны и для современного читателя более выразительны. Однако отрицательные герои летописей, несмотря на обилие и богатство оценочных характеристик, лишены конкретности и индивидуальности, обрисованы только черной краской без полутонов и оттенков.

Т. Г. Трофимович (Минск)

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СТАРОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В словарном составе языка старорусской деловой письменности заметная роль принадлежит средствам номинации лиц. Это и понятно: своды законов, договоры, грамоты и т. п. регламентировали социально-экономическую деятельность человека, являвшегося объектом и субъектом права.

В качестве обобщенного средства номинации лица (лиц) использовались лексемы *человек-люди*. Они занимают ключевое положение в системе указанной номинации и относятся к наиболее частотным. Анализ словарного состава старорусских деловых памятников показывает, что в период XV—XVII вв. семантика этих слов находилась в пределах следующих основных значений: 'живое существо', 'гражданин, подданный', 'зависимый, челядин, раб', 'народ'. Первое значение реализуется редко, а наиболее актуальными являются три последующих. Основным в деловом языке было указание на социальную функцию человека.

Обобщенность семантики лексем *человек-люди* выдвигало коммуникативную необходимость ее конкретизации. Наиболее простым способом уточнения значения слова явилось возникновение словосочетания, где существительное получило определение-прилагательное или другое определение. Такой способ номинации лиц был известен древнерусскому языку (Кочин Г. Е., Срезневский И. И.), оставался продуктивным и в старо-

русский период. Памятники письменности содержат множество таких словосочетаний: в Уложении 1649 г. их более 80, в Судебниках 1550 и 1589 гг. — порядка 50, причем приблизительно трети нет в Уложении. Речь идет об образованиях типа *люди изменичьи, оброчные, опричные, пошлинные, средние, становые, тиуповые, чистые* и т. п. Отличительной особенностью старорусского делового языка является то, что без определенных слова *человек-люди* употребляются крайне редко.

Возникавшие словосочетания входили в словарный состав в качестве терминологических, вовлекались в процесс фразеологизации. Степень фразеологизированности была разной. Так, словосочетания, называющие лиц по их владельцу, географической принадлежности, роду занятий максимально приближены к свободным: *люди архиепископли, боярские, ближние, волостные, дворовые, думные, зарубежные, литовские, мастеровые, мирские, московские, наемные, порубежные, посацкие, приказные, промышленные, ратные, ремесленные, русские, служилые, торговые, тутошние, уездные, городские* и др.

С другой стороны, среди анализируемых единиц довольно много таких, которые в процессе образования и функционирования подверглись значительной фразеологизации: *люди добрые, белые, большие, данные, обыскные, пашенные, прибылые, приводные, причинные, спорные, черные, старинные, деловые, новые, простые, средние, чистые, численные* и др. Атрибутивные компоненты при этом развивали образные, переносные значения.

К отличительным особенностям старорусского делового языка следует отнести и возможность возникновения различного рода контаминированных конструкций сообразно потребностям коммуникации. Такой способ в системе номинации лиц тоже достаточно продуктивен. Так, в Уложении 1649 г. находим: *уездные сошные люди, окольные ближние люди, посацкие тяглые лутчие люди, городовые посацкие тяглые люди* и др. В Судебниках: *добрые лутчие люди, добрые неживые люди, лихие ведомые люди, посадские городские люди, посадские лутчие люди, посацкие торговые средние люди, добрые боярские люди* и др. Система номинативных средств языка старорусской правовой письменности расширялась и пополнялась, как видим, за счет образований с "нанизыванием" от еделений вследствие контаминации уже известных словосочетаний.

В качестве средств конкретизации значения лексем *человек-люди* в анализируемый период активно использовались местоимения *свой, свои, их, чей, чьи*, указывающие на принадлежность. Можно утверждать, что известные современной русской речи словосочетания *свой человек, свои люди, их*

человек, их люди и т. п. функционировали в старорусской письменности с той же семантикой, сохраняя при этом разговорную стилистическую окраску. Памятники народно-разговорного языка подтверждают это.

Лексема *человек* в старорусском деловом языке могла использоваться со значением единицы счета людей. По сути происходило семантическое опустошение слова, отразившееся и в предложно-именной конструкции *с человека (взять, взыскать)*.

Пара *человек-люди* супплетивна, оформилась в русском языке окончательно к XV в. (Колесов В. В.). В деловой письменности практически во всех значениях возможна взаимозаменяемость форм ед. и мн. числа, кроме 'народ' — *люди*, 'единица счета' — *человек*.

Таким образом, старорусский деловой язык располагал развитой системой лексико-фразеологических средств номинации вообще и лиц в частности. Его словарный состав, сохраняя связь с древнерусским источником, переживал инновационные процессы, во многом определившие дальнейшее развитие русского национального языка.

А. А. Кожина (Минск)

О СЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

В составе общей теории текста существует несколько проблем, требующих более внимательного и подобного рассмотрения. Одна из этих проблем отмечена еще М. М. Бахтиным, писавшим, что текст всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*. Особенное напряжение возникает, если эти два сознания (автора и читателя) разделены веками человеческой истории.

В проповедях древнерусского писателя Кирилла Туровского особую семантическую группу образуют лексемы с корнями рад- г: *весел-* (радость, (радовати сѧ, радостьнѣ, веселик, веселити сѧ, весель). Частотность их появления в тексте велика, из чего можно сделать вывод об их важной роли в построении структуры текста. Семантическая общность этих лексем подтверждается словарными дефинициями: *радость* "радость, веселие"; *веселик* "веселие, радость" (Старославянский словарь). Тавтологические определения дают возможность установить состав группы, но не позволяют определить различия, которые каждая из лексем вносит в семантическую структуру текста.